

там. Вскоре после обряда очищения он прилюдно рассуждал о христианской религии, хотя мы ему этого не советовали; в этом его рассуждении было больше рвения, чем рассудительности; по горячности своей он не только предпочитал наши святыни прочим, но и вообще осуждал все прочее. Он заявлял, что они – языческие, что поклоняются им нечестивцы и святотатцы, которых надобно покарать вечным огнем. Когда он долго так проповедовал, его схватили, судили, но не за презрение к религии, а за возбуждение смуты в народе. И осудили, приговорив к изгнанию. Действительно, среди древнейших установлений утопийцев числится и то, что никого нельзя наказывать за его религию.

Ибо Утоп с самого начала, когда узнал, что до его прибытия жители беспрестанно воевали из-за религии, заметив, что при общем несогласии разные секты сражаются за родину отдельно, воспользовался случаем и одолел их всех. Одержав победу, он прежде всего объявил нерушимым, что каждому дозволяется следовать какой угодно религии; если же кто-нибудь станет обращать в свою религию также и других, то он может это делать спокойно и рассудительно, с помощью доводов, не злобствуя при этом против прочих религий, если он не уговорит советами, то не смеет действовать силой и обязан воздерживаться от поношений. Того, кто об этом спорит чрезмерно дерзко, утопийцы наказывают изгнанием или же рабством.

Утоп учредил это, не только заботясь о мире, который, как он видел, полностью разрушается от постоянной борьбы и непримиримой ненависти, но, решая так, он полагал, что это важно для самой религии, о которой он не дерзнул сказать ничего определенного, как бы сомневаясь, не требует ли Бог разного и многообразного почитания и поэтому одним внушает одно, другим другое. Конечно, он думал, что странно и нелепо силой и угрозами принуждать к тому, чтобы всем казалось истинным то, во что веришь ты сам. Более того, если истинна одна религия, а все прочие суежны, то Утоп легко предвидел, что, наконец, истина когда-нибудь выплывает и обнаружится сама собой (если повести дело разумно и умеренно). Если же бороться за истину оружием и смутой, то наилучшая и святейшая религия погибнет из-за самих суежных суеверий, подобно тому, как гибнут хлеба в терновнике и кустах (оттого что наихудшие люди наиболее упорны).

Поэтому он оставил все это дело открытым и дозволил, чтобы каждый был волен веровать, во что пожелает, – за исключением того, что свято и нерушимо запретил кому бы то ни было до такой степени ронять достоинство человеческой природы, чтобы думать, будто души гибнут вместе с телом, что мир несется наудачу, не управляемый провидением. И поэтому утопийцы верят, что после земной жизни за пороки установлены наказания, за добродетель назначены награды. Того, кто думает по-иному, они даже не числят среди людей, оттого что он возвышенную природу своей души унизил до ничтожной скотской плоти; и не считают они его гражданином, оттого что, если бы не одолевал его страх, ему были бы безразличны все их установления и обычаи. Разве можно усомниться в том, что он, не страшась ничего, кроме законов, и не надеясь ни на что, кроме своего тела, угождая своим собственным желаниям, не постарается либо тайно, хитростью обмануть государственные законы своего отечества, либо нарушить их силой?

Поэтому человеку с такими мыслями утопийцы не оказывают никакого почтения, не дают никакой должности, не возлагают на него никаких обязанностей. На такого повсюду смотрят как на человека пустого и низкого. Впрочем, его не подвергают никакому наказанию, так как они убеждены, что никто не может заставить себя почувствовать что-либо; но утопийцы не принуждают никого угрозами скрывать свои мысли и не допускают притворства и лжи, которые они ненавидят с удивительной силой, оттого что это ближе всего соседствует с обманом. Правда, утопийцы запрещают такому человеку рассуждать, защищая свое мнение, но это только перед толпой. Ибо перед священниками и почтенными мужами они не только дозволяют говорить, но даже убеждают это делать, так как уверены, что безумие наконец уступит разуму.

Есть и другие люди, и их немало, их не преследуют, они по-своему не вовсе лишены разума, их не считают дурными; у них совсем иное порочное мнение: будто души у скотины тоже существуют вечно. Однако по достоинству эти души не надобно сравнивать с нашими, и животные не рождены для равного с нами счастья. Почти все утопийцы считают верным и несомненным, что души людей ожидает неизмеримое блаженство; поэтому всех больных они оплакивают, но не сожалеют ни о чьей смерти, если только не видят, что кто-нибудь расстается с жизнью с тревогой и против воли. Ибо они считают это весьма дурным предзнаменованием и полагают, что конец страшен отчаявшейся душе, знающей о каком-то зле, втайне предчувствующей грозящее наказание. К тому же они думают, что Богу нисколько не будет угоден приход того, кто не бежит с охо-